

Александр Барышников

Penitus

Фантастическое путешествие
в Плутонию

Александр Барышников

**Penitus. Фантастическое
путешествие в Плутонию**

«Издательские решения»

Барышников А.

Penitus. Фантастическое путешествие в Плутонию /
А. Барышников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854407-1

Penitus — абсолютно, внутри, глубоко. Читателей ожидает весёлый рассказ о необычных приключениях двух друзей-россиян в Плутонии — подземном пространстве Земли. Этот мир населён динозаврами, гоминоидами, гигантскими муравьями, а также «псевдогреками» и дикими амазонками, которые враждуют между собой. Сюжет содержит неожиданные повороты, авторский текст и диалоги написаны с юмором. Есть лирическая линия — любовь главного героя и первобытной девушки-амазонки.

ISBN 978-5-44-854407-1

© Барышников А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Мечта сбывается	6
Глава 2. Великий Куст	11
Глава 3. Бездна	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Penitus

Фантастическое путешествие в Плутонию

Александр Барышников

© Александр Барышников, 2017

ISBN 978-5-4485-4407-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Мечта сбывается

Совершенно секретно.

Дервиш Минарету срочно. Объект прибыл. Установлено круглосуточное наблюдение. Испытания ориентировочно через неделю. Ждем «Черного Циклопа».

Над входом покореженной тайфунами развалюхи красовалась новенькая вывеска, на которой большими буквами было выведено слово «HOTEL». Слово было взято в жирные кавычки, они, кстати сказать, многое объясняли: в «отеле» имелось всего несколько комнат и маленькая столовая, дверь ее, разумеется, была украшена еще одной вывеской – RESTARAUNT – без кавычек. Кормили здесь, наверно, неплохо, но в такую жару есть совсем не хотелось, да и время было неурочное: часы я еще не перевел, они показывали без пяти десять, стало быть, дома, в России, давно уже позавтракали, а до обеда было самое малое два часа. Но дело даже не в этом.

Как говорил наш общий знакомый: сбылась мечта идиота. Она была не очень оригинальной, ибо практически любой нормальный человек хотя бы раз в жизни грезит о далеких жарких странах, о тропических островах и коралловых рифах. В годы моего пионерского детства и комсомольской юности мечта эта была почти неосуществима, армейская служба прошла на родной российской суше, позже я не был большим начальником или членом какого-нибудь важного общественно-политического органа.

В новые времена пришлось крутиться, вертеться и карабкаться, потому что открывшиеся новые возможности должны были подкрепляться финансовыми ресурсами. Наконец, ресурсы появились, но к тому времени я давно уже перешагнул тридцатилетний рубеж...

Как бы то ни было, она сбылась... Я сидел в ресторанчике «отеля», похожего на пэтэушную общагу, но этот «отель» стоял неподалеку от удивительно чистого пляжа, чей золотой песочек ласкали волны Тихого океана. Над песочком и частично над волнами простерли свои блестящие кожистые листья высокие пальмы. Несомненным достоинством пейзажа было также полное отсутствие асфальта, бетона, брусчатки, а иже с ними – трамваев, троллейбусов, автомобилей и даже мотоциклов с мопедами. В рамке распахнутого окна, как на экране телевизора, виднелись немногочисленные отдыхающие, некоторые из них барахтались в воде, другие неподвижно лежали на бамбуковых топчанах. Братья по разуму, такие же, как я, чудаки, предпочитающие суперотелям и многозвездочным удобствам обаяние почти не тронутой природы.

Я сидел за столиком, прихлебывал пиво и думал о том, что главная моя задача на сегодняшний день – не напиться, не опозлить торжественного момента, не испоганить сказку, ставшую видимой, слышимой, осязаемой былью. Может быть, вообще не стоило сюда заходить? Но, с другой стороны, где-то далеко-далеко на севере остались сумрачные российские хляби, надоевшие хмурые лица, раздраженные голоса, проблемы, усталость и скверное настроение. А здесь было совсем по-другому – здесь было хорошо. Когда же нашему человеку хорошо, то непременно хочется, чтоб было еще лучше. Как ни крути, «сбыча мечт» вполне достойна того, чтобы ее отметить.

Кроме меня, в душном ресторанчике находились еще несколько человек, если быть точнее – семеро, не считая смуглого, с блестящей кожей, бармена, который одновременно выполнял и обязанности официанта. За угловым, у распахнутого окна, столиком устроились две молодые женщины; сидевшая лицом к центру зала была из разряда «мне столько не выпить», она весело улыбалась и негромко, но оживленно говорила что-то своей подруге. Подруга молча кивала и вообще старалась не привлекать к себе внимания, но ей это плохо удавалось. Взоры всех присутствующих были прикованы именно к ней, голубоглазой блондинке в коротеньких шортах, которые при всем своем старании не могли скрыть удивительно стройных и поразительно длинных ног. Собственно говоря, именно на эти ноги беззастенчиво пялился бар-

мен-официант, именно от них не могли оторвать восхищенных взглядов три аборигена-островитянина, таких же смуглых и блестящих.

Если бы (не дай Бог!) я был расистом-куклусклановцем, то и тогда, наверно, не смог бы удержаться от соблазна лицезреть это чудо природы – дивные ноги молчаливой блондинки производили совершенно одинаковое впечатление на мужчин любой расовой принадлежности, любой национальности и культурного уровня. Не был исключением и сидевший в углу крепкий парень в камуфляжной форме и огромных армейских ботинках на толстой подошве. Судя по внешнему виду, человек он был нездешний – европеец или американец, определить точнее было невозможно, да и незачем. Здесь, вдали от цивилизации, это не имело никакого значения. Костюмчик, по правде сказать, выглядел слегка экстравагантно, но и это никого не волновало.

Вообще, в зале царил атмосфера сонливой расслабленности, все мы наслаждались покоем, неспешно потягивали купленные напитки и совершенно бесплатно любовались прекрасными ножками голубоглазой блондинки. За порогом заведения шумел прибой, кричали чайки, где-то вдали, у рифов, качался на волнах небольшой оранжевый катер...

Один из аборигенов, улыбочивый малый в видавшей виды футболке и стареньких, но довольно чистых шортах, подмигнул товарищам и бодро направился к дамам. При его приближении та, что сидела в углу, явно напряглась, хотя старалась не подать вида и по-прежнему щебетала что-то своей красивой молчаливой подруге. Кавалер остановился, слегка наклонился вперед и сказал что-то совсем негромко. Страхолюдина польщенно улыбнулась во все свои тридцать два ослепительно желтых зуба – видимо, она была рада любому проявлению мужского интереса. Однако, красotka не обратила внимания на энтузиазм подруги и открыла прелестный ротик. Лицо кавалера вытянулось, улыбка растаяла, он попятился, оглянулся назад и тотчас бесславно ретировался. Любовная схватка, не успев начаться, сразу же окончилась.

Парень в камуфляже, отхлебнув изрядную толику пива, открыто глянул на меня. Взгляд его говорил яснее всяких слов: теперь твоя очередь, попробуй, посмотрим, на что ты способен...

Я полагаю, что язык жестов, мимики и взглядов является древнейшим средством общения людей, и здесь, вдали от цивилизации, он наилучшим образом подходил к случаю.

Вообще, все люди делятся на две категории. Представители первой, наиболее многочисленной, поклоняются алгебре, в их жизни слишком много иксов, игреков и прочих переменных величин. Алгебраисты рвутся к власти, которая в любой момент может рухнуть; они стремятся к славе, имеющей обыкновение испаряться бесследно и безвозвратно; очень часто целью являются большие деньги, но так же часто они, деньги, внезапно меняют своих хозяев...

Люди другой категории взяли за основу жизни арифметику, то есть, мир натуральных чисел, простых действий и бесспорных аксиом. Основные приоритеты: здоровье, семья, дети, внуки, чистая совесть, крепкий сон... Жизнь арифметиста скучна, но надежна, безошибочна, она наполнена высшим смыслом и почти не дает поводов к итоговому сожалению и раскаянию.

Преобразование ретивого алгебраиста в умудренного опытом любителя арифметики происходит постепенно, в течение многих лет и десятилетий. Но иногда возможен революционный скачок, и скачок этот чаще всего случается в измененных обстоятельствах, в непривычной обстановке, на фоне величественной дикой природы. Человек осознает вдруг тщетность суеты, относительность материального благополучия, бесплодность страстей, которые изначально не могут быть вечными...

Да, да, я осознал это, как только выбрался из салона маленького самолетика, доставившего мое брэнное тело на остров. Я чувствовал это, пока жадным взглядом осматривал окрестности, пока на сильно ломаном английском общался с хозяйкой «отеля», поселяясь в крохотную каморку на втором этаже. Здесь, в этой почти не тронутой цивилизацией глухомани, следовало забыть о суете, жить достойно, думать о вечном...

И чтобы адекватно ответить на вызов парня в камуфляже, я должен бы изложить ему все эти соображения. Но, во-первых, если он иностранец, то вряд ли сможет понять нюансы,

и, во-вторых, я далеко не первый из тех, кто сошел с истинного пути по вине таких вот длинноногих красоток. Ладно, будем считать, что я отношусь к третьей категории – не достигших совершенства, но, безусловно, стремящихся к нему всей душой...

Лезть напролом глупо, прямым доказательством этого была явная неудача местного хлопца. Все правильно: именно так должна реагировать на беспардонные приставания порядочная женщина. Значит, нужна иная тактика. Главное: не спешить. Также можно использовать свою национальную принадлежность, ибо русский на захолустном тропическом острове встречается пока еще гораздо реже, чем западный европеец и, паче того, северный американец.

Парень в камуфляже чуть заметно подмигнул, подбадривая меня, в ответ мне пришлось слегка кивнуть головой, после чего я поднялся из-за стола и бодренько направился к барной стойке. Ага, это привлекло всеобщее внимание, и даже белокурая мисс (или миссис на отдыхе?) взглянула в мою сторону коротко, но довольно внимательно.

Бармен почтительно склонил голову и смиренно полузакрыв глаза, но толстые его губы сложились в радостную улыбку. Понятно: торгаш и в тропиках торгаш, ждет, видимо, сверхщедрого заказа – а как иначе белый господин сможет привлечь внимание красивой леди...

– А водочки нет? – спросил я по-русски, громко и нахально, краем глаза наблюдая за реакцией красивой леди.

Сразу после этого парень в камуфляже вскочил с места и устремился в узкую дверку между фасадной стеной и баром – там, за этой дверкой, была кухня. Путь пролегал мимо женского столика, и страшненькая дамочка, разумеется, обратила внимание на почти бегущего военного, красotka же скосила взгляд на меня, и в голубых глазах, насколько я разбираюсь в древнейшем языке, стоял один вопрос: как одному человеку удалось короткой фразой вызвать такую бурную реакцию другого человека? Разумеется, я не знал ответа и требовательно смотрел на бармена, который непонимающе качал головой – похоже, он впервые видел русского человека.

– Айм рашен, – громко сказал я. Блондинка повернула лицо и уже неотрывно смотрела на меня. Чувствуя это, я продолжил так же громко и уверенно: – Ай вонт рашен водка!

Бармен беспомощно развел руками, радостная улыбка сошла с его толстых губ, и он посмотрел в сторону притихших соотечественников, словно ища у них поддержки и защиты.

– Есть, есть рашен водка! – закричал вбежавший из кухни парень в камуфляже. Я оглянулся – в руке его действительно призывно светилась бутылка явно российского происхождения.

– Земеля! – радостно простонал он и раскинул руки, чтобы обнять меня. Я не разделял этой радости – стоило ли забираться в такую даль, чтоб нарваться на соотечественника с бутылкой водки? – но деваться было некуда, и мне пришлось «изобразить радость».

Землячок увлек меня за собой и почти насильно усадил за свой столик. Бармен моментально вник в ситуацию и уже нес чистые стаканы.

– Я ведь один не пью, – объяснял камуфляжный парень. – Третий день сижу за столиком, а она, родимая, тоскует в холодильнике. Разве это справедливо? Ну, за встречу!

Он торжественно поднял вполовину налитый стакан.

– Может, познакомимся? – предложил я и, не дожидаясь согласия, представился: – Алексей Евсеев, Российская Федерация.

Парень захохотал, водка в его стакане закачалась, но не сильно.

– Молоток, Леха! – радостно закричал он. – А меня Ванькой зовут, в смысле, Иваном. Ну, за знакомство!

Пить не хотелось, но деваться было некуда, и я выпил. Красotka, повернув лицо, все так же смотрела в нашу сторону. Впрочем, все присутствующие смотрели в нашу сторону, почти во всех взглядах читалось восхищение, и это немудрено – на чемпионате мира по син-

хронному опрокидыванию стаканов мы с моим новым знакомым, безусловно, могли войти в тройку призеров.

– Эх, огурчика бы соленого, – помечтал он. – Ладно, закусим бананом... Молоток, Леха! Как ты ее, а!

– Кого?

– Ладно, брось прикидываться! Я к ней два дня клеился, косил под янки на спецзадании – бесполезняк! Даже глазом не ведет. А ты вон как лихо: айм рашен – знай наших! Давай-ка, земля, милый ты мой, за Россию, за великую нашу родину, которая всегда и везде в каждом русском сердце!

Здесь, в далекой чужой глухомани, тост не казался напыщенным и высокопарным, как это было бы дома, в России, и мы, поднявшись на ноги, торжественно выпили за великую родину. Воистину, пусть твердят: – уродина, а она мне нравится! По мере того, как благословенная влага растекалась по жилам, далекая родина, а иже с ней и вся вообще жизнь нравилась мне все больше... На Ивана вторая доза произвела иное действие: он притих, погрузился, о чем-то задумался.

– Ты как здесь? – спросил я, чтоб отвлечь его от мыслей, которые могли быть не вполне приятными.

– Спецзадание, – бестрепетно признался он, и я засмеялся, оценивая чувство юмора моего нового товарища. Иван вскинул взгляд, в котором ощущалось некоторое удивление, потом кивнул головой. – Seriously, братан, без всяких шуток. Ребята из лаборатории по изучению океанских глубин приехали сюда, чтоб испытать новый аппарат, а я у них охранником. Господи, да кому они нужны со своей каракатицей? Есть еще трое наших, из охраны, но они рыбу ловят на соседнем острове. А мне Петр Иванович сказал: не вертись под ногами, не мешай работать серьезным людям. Они же, товарищи ученые, на работе ни-ни, правильно? Вот и кукую в скверном кабачке, а здесь даже выпить не с кем. Если бы не ты... – Иван как-то разом ободрился и снова похвалил меня: – Молоток, Леха! Кстати, а ты чего тут делаешь?

– На отдыхе.

– Это хорошо, – одобрил он. – Считаю, что тебе повезло. Тихо здесь, спокойно, для отдыха самое то. Лишь бы тайфуна не было.

– Будем надеяться.

Иван кивнул и внезапно сменил тему.

– А на эту моль белокрытую, – он пренебрежительно кивнул в сторону красотки, – плюнь три раза, все равно ничего не выйдет.

– На какую моль?

– Опять за свое! – укоризненно воскликнул он. – Ты, часом, не актер? Если так, то тебя зря держат в театре. Видел я, как ты на эту спирохету пялился... Только зря все это. Таких красоток я знаю наизусть. Они кайф ловят с того, что клевых пацанов в сети затаривают. До тех пор мозги пудрят, пока у клиента крышник с места не тронется. Что-то вроде спорта. А для любовных утех таскают с собой подруженицу типа этой вон зубастой...

Он опять кивнул в сторону женского столика.

– Бог простит, – смиренно сказал я. – Он, говорят, добрый. А я, Ванюша, приехал отдохнуть от работы, суеты, проблем, ну, и, конечно, от женщин.

– Вот и славно! – обрадовался Иван. – Вот и отдохнем. Двигай сюда стакан!

Под бананы и разговоры мы допили водку, и я предложил прогуляться по берегу. Однако, мой новый знакомый, сославшись на жару, предпочел остаться в ресторанчике. И он, конечно, прав, таскаться по пляжу в хэбэ и луноступах – удовольствие явно ниже среднего.

Выбравшись наружу, я пересек утоптанную площадку перед крыльцом, немного постоял в тени ближней пальмы, миновал горячую полосу пляжа и вышел к самой воде. Спокойные, незлые волны лениво подкатывались к ногам и с влажным шумом отползали назад. Их мерный

плеск усугублял вызванное водкой легкое головокружение, мягко усиливал приятное мозговое несоответствие, яркие блики вынуждали прикрывать глаза... Барахтаясь в реке Жизни, мы не ощущаем ее течения; крутятся, пробиваясь, выгадывая, не замечаем прохлады и сладости живительных струй. И только остановка, отвлечение от суеты позволяют почувствовать, какое же это счастье – жить, стоять на краю земли, слушать неумолчную песнь Океана, бескрайнего и бесконечного, как само время...

В неумолчную песнь Океана беспардонно вплелось тарахтенье двигателя внутреннего сгорания. Я открыл глаза и, проморгавшись, увидел, что к пляжу, слева от меня, причалил оранжевый катер, на днище которого были навалены баллоны, маски, ласты и прочий подобный спортивный инвентарь. За рулем сидел хорошо накачанный загорелый мужчина, вероятно, инструктор по подводному плаванию или, как теперь говорят, дайвингу. Заглушив движок, он выбрался на песочек и призывно махнул мускулистой рукой. На призыв прибежал откуда-то совсем слева, из-за благоухающего цветника, средних лет мужичонка с прореженной макушкой, пивным животиком и волосатыми ногами. Справа, от бамбуковых топчанов, притащилась улыбчивая тетка в полосатом, туго набитом купальнике. Легонько скрипнула дверь, я оглянулся и увидел, как из «рестараунта» вышла на своих длинных ногах красотка («белобрысая моль»), следом за ней показалась подруга-страхолюдина. Сопровождал дам – кто бы мог подумать! – охранник Иван собственной персоной.

Пока троица добиралась до берега, пузатый мужичок и тетка в купальнике забрались в катер. Тренер шагнул в мою сторону, радушно улыбнулся и спросил что-то, кажется, по-английски. Похоже, предлагал принять участие в погружении около рифов. Я покачал головой и неспешно двинулся вправо, в сторону видневшегося вдали зеленого мыса. Там, на другом конце длиннющего пляжа, навстречу мне вышагивал человек в майке и шортах.

Через малое время меня окликнули, я остановился и оглянулся.

– Леха! – кричал Иван. – Давай без обиды! Ты же сам сказал, что приехал отдохнуть от женщин! А я от них не устал! Да и что зря добру пропадать!

Я засмеялся, пожал плечами и продолжил свой путь.

– Вот и ладненько! – крикнул вслед Иван. – Молоток, Леха!

Сразу после этого тяжелые ботинки загремели по металлической палубе. Тренер что-то сказал, все, кроме Ивана, засмеялись, через несколько секунд взревел двигатель, и компания отчалила.

Почему-то расхотелось идти к далекому зеленому мысу, я остановился, сел на горячий песок и стал бесцельно наблюдать за катером.

Глава 2. Великий Куст

Совершенно секретно.

Минарет Дервишу срочно. Продолжайте наблюдение за объектом. «Черный Циклон» вышел в срок и прибудет без опоздания.

Вот уж действительно – мир тесен. Не знаю, кто сказал это первым, но он был совершенно прав. Еще раз убедиться в этом мне довелось, когда шагавший по кромке пляжа далекий человек приблизился. Случайно взглянув на него, я замер, обомлел, протер глаза и вскочил на ноги. Впрочем, картинка не могла быть реальностью, поэтому я снова сел и даже отвернулся. Во-первых, каждый... почти каждый человек имеет двойника или даже несколько очень похожих на него экземпляров человеческой породы. Во-вторых, я где-то читал, что перемена часовых и климатических поясов иногда становится причиной глюков, легких сдвигов по фазе и прочих временных отклонений от нормы. В-третьих... Я резко оглянулся – прямо на меня шагал Петька Кустов, или Великий Куст, мой бывший одноклассник, с которым мы не виделись лет двадцать. Я присмотрелся очень внимательно, и чем дольше я смотрел, тем меньше оставалось сомнения – это был он!

За два десятилетия Кустище, естественно, изменился, но не очень сильно. Конечно, неумолимое время сделало свое дело – на некогда гладком и румянном личике появились приметные складки-морщинки, густые волосы начали редеть, освобождая место юной лысинке, и во всем облике друга детства чувствовалась уже некая пожухлость, потертость и непреодолимая бэушность. Но фигура – суховатая, неуклюжая, слегка сутулая, – осталась почти без изменений, пытливые глаза по-прежнему зорко и внимательно вглядывались в окружающий мир, все так же импульсивно дергались руки, по-пионерски готовые энергичными движениями подтверждать изрекаемые хозяином доводы.

Научная деятельность Великого Куста, тогда еще Кустика, началась в третьем классе нашей поселковой школы. Помнится, он пытался изготовить пластмассу, смешивая для этого измельченный сухой творог и негашеную известь. Провал эксперимента объяснил разницей между весовыми и объемными частями (кажется, надо было брать весовые), а также низким качеством местного творога.

В четвертом классе Кустиком овладела страсть к водной стихии во всех ее проявлениях. Поначалу была освоена территория обнесенного забором свиного загона, который, будучи залит вешними водами, превращался в озеро правильной прямоугольной формы. Кустик додумался сколотить плотик и торжественно курсировал вдоль и поперек покоренной акватории, чем вызывал законную зависть пацанов, коротавших время на покато́й крыше свинарника. Потом Кустик надоумил зрителей последовать его примеру, и вскоре в поросычьем океане разгорелись настоящие морские баталии.

В шестом классе неутомимый Кустило организовал экспедицию на противоположный берег пруда, который в то благословенное время имел весьма приличные размеры; длина водоема составляла более восемнадцати километров, ширина – около трех. Предприятие трудно назвать героическим, если бы не одно обстоятельство: гарантийный срок эксплуатации найденной в кустах лодки вряд ли превышал двадцать пять минут. К тому же, когда переполненное отважными мореходами судно достигло середины пруда, поднялся сильный ветер, вызвавший нешуточное волнение; через малое время выяснилось, что днище имеет сильную течь; один из гребцов, взволнованный этим неприятным известием, упустил весло, пришлось выламывать скамейки, которые неунывающий адмирал именовал банками...

Он много читал о морских путешествиях, о знаменитых яхтсменах и их одиночных кругосветках, в разговорах сыпал названиями корабельных снастей, живо рассуждал о ветрах и течениях.

Когда мы учились в девятом, кумиром адмирала стал Жак-Ив Кусто. Поначалу поразило почти полное созвучие фамилий, некоторые из нас были склонны видеть в этом перст судьбы. Телесериал о подвигах великого француза тогда еще не появился, все сведения черпались из книг, журналов и газет. Природная пытливость позволяла Кусту добывать информацию, казалось, прямо из воды, около которой он проводил много свободного времени. Мы даже подозревали, что где-нибудь в укромном сарайчике строится из подручных средств (бочки, ведра, водосточные трубы) деревянная субмарина, но новоявленный Ихтиандр, к счастью, ограничивался маской для подводного плавания.

После выпускного вечера с брызгами шампанского и пеной тополиного пуха мы какое-то время не виделись и встретились только во время прохождения военкоматовской комиссии – помнится, у Петьки выявились какие-то проблемы со здоровьем. Потом Великий Куст исчез из моей жизни, и вот через двадцать лет я вновь увидел его сутулую фигуру на фоне непостижимо прекрасных и величественных океанских вод.

– Привет! – воскликнул я радостно. Великий Куст посмотрел на меня с явным непониманием и некоторым подозрением. Он даже не пытался «изобразить радость», как это бывает со мной, когда я не могу вспомнить имя некогда знакомого человека, но чувствую, что он, этот неузнаваемый мною прежний знакомец, хорошо меня знает. Нет, Кустило не только не узнал школьного товарища, но и смотрел на меня вопрошающим взглядом золотой рыбки – чего тебе надобно, старче?

Неужели мой внешний облик настолько переменялся?

– В транссексуалы записался? – спросил я без улыбки и тут же пояснил: – Раньше был кустом, а теперь стал деревом.

В петькиных глазах проблеснуло удивление, через пару-тройку секунд сменившееся радостным изумлением – он, наконец-то, меня узнал. ЧиТэДэ, как говорил наш учитель геометрии, – «что и требовалось доказать...»

– Леха! Ёо-кэ-лэ-мэ-нэ! – завопил Великий Куст и беспорядочно замахал длинными руками, принаравливаясь обнять старинного друга. Вскоре это ему удалось, и он облапил меня, согнувшись при этом крутой дугой, ибо ростом я, прямо скажем, явно ему уступал.

– Прости подлеца, – бормотал Кустик растроганно, – не узнал, долго жить будешь. Да просто не ожидал встретить тебя в этой дыре...

Он отстранился, придирчиво оглядел меня пытливым взглядом и удовлетворенно кивнул головой, после чего подвел итог:

– Хорош, ничего не скажешь. Какими судьбами в здешних краях?

– На отдыхе, – скромно ответил я, скромностью своей стараясь не выпячивать тот факт, что мое материальное положение позволяет прошвырнуться по далеким континентам и на недельку осесть в дикой тропической глухомани. Потом до меня дошло, что ведь и Петька находится сейчас в той же географической точке, значит, и он может себе позволить... К счастью, Великий Куст не обратил внимания на такие нюансы, тем более, что мой взгляд выражал искреннюю радость и неподдельный интерес к его персоне.

– А ты как здесь? – спросил я в свою очередь.

– Экспедиция, – сказал он просто, без выпендрежа. – Я, Леха, занимаюсь изучением морских, вернее, океанских глубин. Такая, брат, работа.

– А, так это ты Петр Иванович! – я засмеялся и хлопнул его по костлявому плечу. – Наслышан, наслышан...

– От кого? – изумился Кустище.

– Да есть тут гражданские лица... в военной форме.

– Иван? Кстати, я иду как раз за ним.

– Опоздали, гражданин начальник. Ты за ним, а он за ней...

И я показал рукой на оранжевый катер. Гражданин начальник неопределенно хмыкнул, но ничего не сказал, лишь махнул длинной рукой.

– А что мы, собственно, стоим? – спросил я. – Думаю, самое время заглянуть в заведение и достойно отметить встречу. Ты знаешь, я чертовски рад!

– Да, да! – горячо согласился Великий Куст. – Просто удивительно, как все здорово получается. И ты, конечно, прав – это надо отметить. Но в заведение мы не пойдем, потому что есть способ лучше.

Он снова махнул рукой, приглашая следовать за ним. Мы дружно двинулись вдоль кромки прибой в сторону дальнего мыса, поросшего густой растительностью. Кустище сразу же начал говорить, но я, признаться, слушал не очень внимательно, потому как с непривычки сознание мое постоянно рассеивалось, а глаза легкомысленно разбегались в разные стороны. Слева рокотал прибой, за которым зеленоватая, в ярких бликах, зыбь лениво покачивала головы немногочисленных купальщиков, а далее, чуть поодаль, пенились коралловые рифы, узкой полосой тянувшиеся вдоль берега на одинаковом расстоянии от него. Возле пенящейся этой полосы болтался на волнах ярко раскрашенный катер, из которого по команде инструктора смешно вываливались любители подводного плавания. За рифами расстилалась голубая бескрайняя ширь, которая где-то очень далеко почти незаметно переходила в такое же голубое и бескрайнее небо.

Справа, на удивительно чистом песчаном пляже, нежились под полосатыми зонтами также немногочисленные отдыхающие, среди которых наблюдались такие экземпляры, вернее, экземплярши, что мне приходилось перекашивать глаза в сторону океана. В противном случае взгляд мой (я сам это чувствовал) становился таким блудливо-масляным, что было нестерпимо стыдно перед самим собой за собственную же моральную распущенность (или аморальную активность, хотя это, наверно, одно и то же).

А Кустик с безмятежностью третьеклассника отмерял журавлиными своими ногами метр за метром и, не обращая внимания на загорелые прелести пляжных русалок, увлеченно рассказывал о своей экспедиции. Из слов, которые мне удалось услышать, следовало, что в лаборатории, которой заведует (поздравляю!) бывший корсар пороссячьего моря, изобрели доселе невиданный и даже неслыханный аппарат для погружения в самые заповедные уголки Посейдонова царства. Куст, дорвавшийся до свежего слушателя, вдохновенно брэнчал языком о какой-то сверхпрочной керамике, о новых сплавах, о суперсовременных технологиях, о том, что гораздо легче добыть из морской воды кислород, чем выбить из начальства деньги на организацию испытаний... Давно зная натуру Кустика, я с легкой печалью подумал, что если не удастся найти благовидный предлог, то весь остаток дня придется терпеливо слушать нескончаемый треп о крабах, медузах и морской капусте.

Мы обогнули поросший зеленью мыс и оказались на небольшой площадке, по периметру которой расположились несколько домиков, покрытых пальмовыми листьями и слегка похожих на сараи; с трех сторон на домики-сарай и на весь укромно-уютный уголок активно напирала буйная тропическая флора. С четвертой стороны, то есть со стороны Тихого океана, имелась крохотная бухточка, в которой осанисто покачивалась... покачивалось... по всей видимости, покачивался тот самый глубоководный аппарат, о котором Кустович тархтел всю дорогу.

Чудо-субмарина интенсивно-оранжевого цвета по форме напоминала летающую тарелку, но только сдавленную с боков, как если бы энлэошная посуда аккуратно, но сильно врезалась в земную твердь и поменяла свое круглое очертание на овально-продолговатое. Еще эту металло-керамическую посягательницу на честь морского царя можно было бы сравнить с шляпой, поскольку нижняя, подводная, часть не просматривалась, но два мощных прожек-

тора на макушке покорительницы глубин делали ее похожей также на светло-пунцовую от смущения лягушку. Внутри стыдливой лягушки что-то шуршало и постукивало.

Совершенно секретно.

Дервиш Минарету срочно. «Черный Циклоп» прибыл на место. Ждем указаний.

– Веня! – призывно закричал Великий Куст. – Полундра! Свистать всех наверх!

Внутри кто-то запыхтел, вскоре из раскрытого люка начала выдвигаться сизая гладко-выбритая макушка, венчавшая голову того, кто был назван Веней, и сразу после этого на свет явилось лицо человека без определенного возраста. Лицо было обычным, непримечательным, таких много у всякого перекрестка, в каждом трамвае-троллейбусе, на любом базаре-вокзале. Как правило, подобные фейсы ничего не выражают, поэтому, наверно, они и не запоминаются.

– У нас гость! – радостно и немного даже хвастливо сообщил Великий Куст. Продолжая ничего не выражать, Веня выбрался наружу, спрыгнул на песочек и молча подал руку. Едва успел назвать свое имя, как рука была отнята обратно и спрятана за спину.

– Это надо отметить, – радостно и как бы слегка извиняясь сказал Кустик. Веня молча кивнул и направился к ближайшему домику. Мы медленно двинулись следом.

– Похоже, ты скрываешь от меня его подлинное имя, – негромко сказал я, когда крепко сбитая фигура моего свежего знакомого скрылась за дверью бунгало сарайного типа. – И зовут его не Веня, а Герасим.

– Нет, он не глухонемой, – возразил Великий Куст. – Кстати, именно Вениамин уговорил спонсоров оплатить расходы экспедиции. Представляешь, он им сказал, что с помощью нашего аппарата можно отыскивать и поднимать на поверхность сокровища затонувших кораблей.

– Сказать легко, – философски изрек я и выжидательно посмотрел на враз поскучевшего командора.

– Ну да, да, – нехотя отозвался Куст. – Придется для отмазки на обратном пути пошарить по дну, поискать каких-нибудь амфор, что ли... Ерунда! Главное, мы добрались до острова, который расположен сравнительно недалеко от очень глубоких океанских впадин. И скоро, совсем скоро мы сможем погрузиться в такие бездны, что страшно даже подумать...

Совершенно секретно.

Минарет Дервишу срочно. Действовать по обстоятельствам. Операцию не затягивать.

И тут меня осенило! Мама мия, папа римский! К моменту озарения мы уже вошли внутрь и уселись на пыльных циновках (а может, цыновках?) рядом с каким-то ящиком. На ящике была расстелена в далекой «Роспечати» приобретенная газетка, на ней разложены местные кокосы-бананы, а рядышком скромно притулились одноразовые интернационально-пластиковые стаканчики, с трех сторон почтительно окружившие стеклянный, явно в московском «Гастрономе» купленный сосуд с влагой несомненно российского происхождения. И когда мы выпили по первой – за встречу! – я сразу взял быка за рога.

– Командир! – сказал я так, словно обращался к таксисту. – До рифов не подбросишь?

– То есть? – Кустидзе уставился на меня, как питекантроп на транзисторный приемник. – До каких рифов?

– Понимаешь, дружище... – начал я, но тут послышалось характерное бульканье благословенной влаги, разливаемой по сиротливо опустевшим стаканчикам. Да, Вениамин и вправду парень хоть куда, он, похоже, привык делать все основательно и, главное, вовремя. Кустило прав – этот парень намного лучше тургеневского дворника. Мы снова выпили и закусили тем, что послали местные боги.

– Понимаешь, дружище, – сказал я и покосился на Веню. Тот равнодушно жевал банан, всем своим видом выражая согласие послушать мои дальнейшие объяснения, которые, разумеется, я сразу же продолжил: – Есть тут одна русалочка, но не каменная, как в Копенгагене, а вполне живая и очень даже симпатичная. Я ее сразу приметил, у меня на такие дела глаз наметанный. Кстати, Петруша, ты как насчет женщин?

– Нормально. – Кустинский слегка пожал плечами, продолжая чего-то не понимать. – Но я не понимаю, при чем здесь...

– Объясняю! – торжественно провозгласил я. – Вышеупомянутая русалочка, как я заметил, входит в группу аквалангистов-любителей, которые ежедневно погружаются под воду неподалеку от рифов, вероятно, для того, чтобы осмотреть их, рифов, достопримечательности. Теперь представь картиночку, достойную пера: русалка в маске и ластах любителюется буйными зарослями морской капусты, а в это время из океанской пучины поднимается твоя гениальная скороварка, ты, как самый главный, сидишь за рулем, а я выглядываю в окошечко и посылаю девице воздушный поцелуй. Девица, естественно, обалдевает, мы тихо-мирно-спокойно-достойно-благородно скрываемся в бездне, а вечером на местной дискотеке... Ну, ты понимаешь, что после такой «случайной» встречи мои акции сильно поднимутся в цене.

Мой друг некоторое время сидел молча, остановив пытливым взор на маленьком ворохе банановой кожуры. Наконец, взор этот сдвинулся с места.

– Во-первых, не в окошечко, а в иллюминатор, – заговорил Великий Куст. – Во-вторых, не скороварка, а уникальный аппарат для сверхглубоких погружений. В-третьих, мы занимаемся наукой. – Он посмотрел мне в глаза взглядом честного человека, для которого дело превыше всего. – Понимаешь, дружище...

И тут Веня снова забулькал. Ага, кажется, я начал понимать алгоритм действия магической фразы – через раз... А вот на создателя железной улитки венино бульканье произвело непонятное мне действие.

– Хорошо, хорошо! – вскричал Кустище и для вящей убедительности вскинул руки с растопыренными пальцами, словно защищаясь от Вениамина, хотя тот невозмутимо выжимал капли из осушенной бутылки. Похоже, за долгие годы совместной работы эти люди научились понимать друг друга без слов. Мы снова выпили.

– В крайнем случае, – примирительно заговорил Кустик, – спьем на поиски подводных кладов.

Я послал благодарный взгляд в сторону Вени, который все больше мне нравился, но молчаливый собутыльник равнодушно жевал очередной банан. Кстати, бананы здесь очень вкусные, не чета тем, что продаются в наших торговых точках.

– Когда прикажете подавать такси? – спросил Петя. Он заметно захмелел, глаза возбужденно блестели, на щеках сквозь загар проступил легкий румянец. Я назвал примерное время и добавил: – Там есть еще одна, тоже ничего, если хочешь – познакомлю...

Мы посидели довольно долго, поговорили о том, о сём, вспомнили прошлое. Веня вытащил еще одну посудинку, но было слишком душно и жарко, чтоб продолжать сие пагубное занятие, поэтому решили оставить дозу до другого случая.

Глава 3. Бездна

Я никогда не страдал клаустрофобией и не понимал, как можно бояться замкнутого пространства. Детство, проведенное на улицах и дворах тихого, глубоко-провинциального поселка, не давало возможности заикливаться на такой ерунде. Нашим энергичным играм сопутствовала постоянная необходимость забиться в немислимо-узкую щель, спрятаться в зарослях чердачной паутины, укрыться в собственноручно вырытой пещере, и все это для того, чтоб не быть «убитым», пойманным, замеченным и т. д. Мы не только не знали самого слова «клаустрофобия», но и не подозревали, что в душе человека может возникнуть состояние, этим мудреным словом обозначаемое.

Но именно это состояние приоткрылось овладеть мною, как только я забрался внутрь петькиной супер-лягушки. Нет, поначалу все было нормально: раза три стукнувшись о какие-то железки, я добрался до места исследователя.

– Пристегнись! – строго сказал командор, неуклюже вползавший в узкий люк подводного аппарата. Смешно – тоже мне, ралли Париж-Дакар... Угнездившись в кресле, я выглянул в круглое окошечко... простите, в иллюминатор. За толстым слоем оргстекла светило солнце, блестела качавшаяся у берега вода, безмолвный Веня еще более безмолвно, чем обычно, топтался на промытом волнами песочке, а за его широкой спиной неслышно колыхались листья, цветы и колючки буйной тропической флоры. Пряные запахи джунглей явственно ощущались даже здесь, внутри нагретого солнцем корпуса, среди множества всевозможных металлоизделий, и это успокаивало.

Налюбовавшись весьма содержательной картиной забортной жизни, я перевел взгляд на внутреннее убранство чудо-кастрюльки, в которой мне предстояло погрузиться в океанские глубины для свершения очередного подвига во имя очередной любви. Убранство это выглядело гораздо менее презентабельным, чем внешний дизайн, и состояло, в основном, из разноцветных проводов, тускло мерцающих трубок, кнопок, тумблеров, рукояток и прочей технической дребедени, в гущу которой были чудом втиснуты два узких кресла для размещения водителя-руководителя и пассажира-исследователя. Здешнюю мебель совершенно невозможно отнести к разряду мягкой, об этом через пару минут сигнализировала аръегардная, пониже спины, часть моего брэнного тела. Неизбывный российский парадокс: изобрести уникальный аппарат можем, а «подушечку подклядывать», по выражению известного юмориста, не научились... Но водителю-руководителю приходилось гораздо хуже – Великий Куст с его фотомодельным ростом был вынужден еще и сложиться почти пополам, хотя это, похоже, совсем не мешало ему вести плановую подготовку к незапланированному подводному полету. Впереди, за узкой согбенной спиной, что-то щелкало, зуммерило, начинало тихонько завывать, и всякий раз командор бормотал какие-то непонятные слова, словно отдавая устный отчет о собственных действиях. И вот тут я заметил, что узкая согбенная спина загоразживает мне вид на еще раскрытый люк субмарины; это маловажное обстоятельство вызвало где-то внутри, под ложечкой, неприятный сосущий холодок, который слегка охладил мой пыл и породил сомнение в целесообразности затеянного мероприятия. Послушай, дружище, сказал я себе, из возраста Тома Сойера ты давно вышел, поэтому ходить колесом вокруг избранницы просто несолидно и даже смешно. Хотя, если на то пошло, есть множество достойных и вполне безопасных способов обратить на себя внимание хорошенькой женщины. Да если разобраться по-хорошему, то не такая уж она и хорошенькая, по крайней мере, не настолько, чтобы безрассудно рисковать своей неповторимой, единственной, бесценной...

Лязгнуло железо, командор, пыхтя и отдуваясь, закрутил барашки люка, обеспечивающие герметизацию входного устройства, тотчас пропали куда-то уютные запахи земной тверди, интеллигентно забормотал электродвигатель, и мы отчалили от берега. Полоска пляжа, увен-

чанная крепкой фигурой Вени, стала удаляться, вскоре она исчезла из вида, потому что судно повернуло под прямым углом и решительно направилось в сторону украшенных белой пеной рифов. Великий Куст, выгнув корпус невообразимым способом, обратил ко мне потное лицо, которое было украшено счастливой улыбкой, освещено блеском глаз и очень напоминало вчерашнюю физиономию подвыпившего друга детства. Понятно – обмочи мою тельняшку, жить без моря не могу...

– Отойдем подальше, чтоб сэкономить кислород, – радостно доложил он и лихо, пиратски, подмигнул правым глазом. Странно, но факт: оптимизм командора частично передался мне, я улыбнулся в ответ и молча кивнул головой. Продолжая экономить кислород, мы добрались до рифов и после неприлично смелого маневра вышли с забрызганными пеной иллюминаторами в открытый океан. Похоже, отважный капитан Немо слегка забыл о цели нашего путешествия... Словно услышав мои мысли, Великий Куст заерзал в жестком кресле.

– Пройдем с внешней стороны рифов, – сказал он, не оборачиваясь. – Это будет гораздо эффективнее.

Послушай, дружище, сказал я про себя, кого ты вводишь в заблуждение или, как выражаются в современных высокохудожественных романах, кому ты паришь мозги? Дорвался до родной стихии, почувствовал себя всемогущим тритоном и хочешь порезвиться на просторе? Пожалуйста, но зачем же так беспардонно врать? Впрочем, я уже немного привык к новой обстановке, сосущий холодок под ложечкой стал утихать, временами он исчезал вовсе и заменялся нормальным человеческим любопытством. Нет, все-таки тетенька вполне симпатичная; интересно, откуда она родом, в смысле, из какой страны? Латинскую Америку, Юго-Восточную Азию и Африку не предлагать... Нет, я не расист, Боже упаси, и, паче того, не бритоголовый нацист, просто подобное тянется к подобному; наверно, это заложено в человеческой природе; да-да, кажется, где-то когда-то об этом писали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.